

Павел Сурков

Игра в Шекспира

Пьесы

Павел Сурков

Игра в Шекспира. Пьесы

«Издательские решения»

2015

Сурков П.

Игра в Шекспира. Пьесы / П. Сурков — «Издательские решения», 2015

«Игра в Шекспира» – первый сборник драматургии Павла Суркова. Некоторые из пьес уже поставлены в российских театрах, некоторые – ждут своего режиссера. Но главная работа Павла – пьеса «Игра в Шекспира» – удивительное повествование о жизни и смерти, о театре и истории и, конечно, о любви. Убежденный антистратфордианец, Павел полагает, что в этой пьесе наконец-то раскрыл главную загадку Великого Барда...

Содержание

Что случилось у бассейна	6
Виктория	12
Картина первая	13
Картина вторая	16
Картина третья	18
Картина четвертая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Игра в Шекспира
Пьесы
Павел Сурков

© Павел Сурков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Что случилось у бассейна Фантазия в 1 действии

Dramatis personae

Владимир

Джон

Молодой человек

Действие происходит в Нью-Йорке в июле 1976 года.

Предупреждение для господ актеров

В пьесе участвуют два персонажа, говорящие на разных языках. Для удобства представления и понимания пьесы, реплики персонажей произносятся на русском языке, при этом следует принять во внимание, что Джон говорит исключительно по-английски, а Владимир говорит по-русски, лишь изредка обогащая свою речь некоторыми простыми английскими словами. В этих случаях английский текст транскрибируется по-русски – Владимир, в целом, не знает английского.

Владимир и Джон никогда не встречались ранее и вряд ли встретятся еще раз.

Предупреждение для господ читателей

Идея этой пьесы мне была фактически подарена одним моим знакомым – который как-то за бутылкой горячительного напитка вспомнил о возможности встречи Владимира Высоцкого и Джона Леннона в Нью-Йорке 70-х. Такая встреча действительно была возможна, но была ли она осуществлена – кто знает? Мой знакомый сам хотел написать пьесу на эту тему, но его захватили куда более важные и денежные проекты, а я – с его милостивого разрешения, конечно же – решил идею подобной пьесы воплотить в жизнь. Самым простым способом коммуникации героев могли бы стать их песни – Владимир и Джон наверняка смогли бы поговорить на языке музыки, но подобный исход казался мне чрезвычайно простым, а то, что про-сто – поневоле пошло. А уж нашим героям пошлость была чужда всю их недолгую жизнь.

Что касается названия – оно, конечно же, отсылает нас к давней пьесе Эдварда Олби, и я могу предположить, что скамейка в Центральном парке, на которой встретились Владимир и Джон – это та же самая скамейка, на которой когда-то сидели Питер и Джерри. Во всяком случае, мне бы хотелось, чтобы это было именно так.

Предупреждение для господ режиссеров

При постановке данной пьесы просьба руководствоваться одним-единственным указанием: в ней не должна звучать музыка. Вообще. Допустимы шумы: пение птиц, звуки проезжающих машин и т. п. Но с музыкальной точки зрения – данная пьеса абсолютно беззвучна. Музыка в ней не место.

Поздний вечер в Центральном парке Нью-Йорка. Джон сидит на скамейке, на нем – джинсы, футболка и легкий пиджак. Появляется Владимир, он тоже в джинсах, рубашка расстегнута, он явно немного выпил, но не пьян.

Владимир. Простите... Ч-черт, как же это... Экскюз ми, сэр, мистер... Как же... Сит даун? Можно? Сит даун, я, здесь, хиа, можно?

Джон. Сесть? Вы хотите сесть?

Владимир. Ну да! Сит даун. Здесь, ага.

Джон (*пожимает плечами*). Садитесь, пожалуйста.

Владимир (*садится*). Вот спасибо. Сенк ю. Вы меня извините. То есть экскьюз ми. Экскьюз ми, что я к вам пристаю, мистер. Вы, вероятно, хотели отдохнуть. А тут я. Экскьюз ми.

Джон. Ничего. Не стоит беспокоиться.

Владимир. Ага, ну, нормально так нормально. А вот у меня, мистер, все не нормально. Все далеко не нормально, как бы я из кожи вон не лез. Вы сами из Нью-Йорка? Ю, как же это... Ю лив хиа?

Джон. Да, здесь, недалеко. Вон в том доме.

Владимир. О, солидно. Рядом. Хороший дом. Гуд. Вери гуд.

Джон (*с улыбкой*). Спасибо, нам тоже нравится.

Владимир. Ну, еще бы. Рядом парк, есть где гулять. А мне, мистер, ваш Нью-Йорк как-то не очень нравится, честно. Ну, то есть он хороший, как вы говорите – окей, но вот, знаете, чего-то определенно не хватает. Я все пытался понять, чего же. И я понял. Я сегодня понял. Хотите, расскажу?

Джон. Мистер, я не понимаю, что вы говорите, но мне кажется, вы хотите что-то рассказать, да?

Владимир. Йес? Ну, раз йес, тогда расскажу, конечно. Спасибо. Сенк ю. В общем, вот, что я понял. Ваш Нью-Йорк – отличный город. Замечательный просто. Небоскребы, Центральный парк, все это безмерно красиво, все это здорово. Машины ваши, метро – я спустился, посмотрел. В магазинах все есть, вообще все. Телевизоры, магнитофоны, видеомагнитофоны... Можно с ума сойти. Но нет главного. Главного нет. Знаете, чего?

Джон. Я вас не понимаю.

Владимир. Донт андестенд... Сейчас, сейчас, уже почти, чуть-чуть... Понимаете, я ходил по улицам, меня встречали друзья – мои друзья, друзья моей жены, известные люди, прекрасные люди. Но кроме них – я не видел людей. Пипл. Понимаете? Пипл!

Джон. Люди?

Владимир. Да! Пипл! Люди! Нет людей! Есть – толпа. Есть масса. Вот нас учат, что именно воля масс управляет государством. То есть именно масса диктует всем и вся, как быть и что делать. Понимаете? А тут – масса в действии. Вот она такая – ходит по улицам, смотрит на витрины магазинов, что-то покупает, магнитофоны эти, одежду, джинсы... И им нет дела до тебя. Вообще нет никакого дела. Им и до соседа нет никакого дела. Я на пятой авеню увидел негра – бездомного, старого, он привалился к стене и даже, кажется, уже не дышал. А люди ходили мимо. Просто – мимо.

Джон. Я не понимаю ни слова, но вижу, как вы взволнованы, сэр. Хотел бы я знать, что с вами случилось... К сожалению, не понимаю... Вы откуда?

Владимир. Кам фром? Фром? СССР. Советский Союз, понимаешь? Юэсэсар, Россия! Раша!

Джон. О, Россия! Русский?

Владимир. Русский.

Джон. А вы кто? Чем занимаетесь?

Владимир. Дуинг? Что я дуинг? Хороший вопрос, хотел бы я сам знать на него ответ... Я так скажу: я актер. Хотя... Я не совсем актер...

Джон. О, актер?

Владимир. Ну да, актер, актер... Но вообще-то я еще и поэт. Понимаете?

Джон. Поэт?

Владимир. Хотелось бы... Вы, наверное, этого не поймете, да и я не знаю, как объяснить... Очень хочется, чтобы тебя считали поэтом. Очень хочется быть этим самым поэтом – но есть такая штука, как правила, определенные правила... Рулз.

Джон. Правила? О, да, правила. Правила – это то, что губит общество, но одновременно – это то, что дает обществу жить. Вам тоже не нравятся правила? Мне лично они совершенно не нравились. Но потом, знаете, как-то смиряешься. Как-то начинаешь играть по правилам...

Владимир. Это – смотря какие правила. У нас знаете, какие правила? У нас ого-го какие правила, такие правила, что и объяснить невозможно, зачем эти правила придуманы, куда они и к чему. Вот можете ли вы себе представить, чтобы считаться поэтом – нужно, чтобы тебя официально признали таковым. Официальный поэт. Официал поэт, андестенд?

Джон. Не понимаю. Как это – официальный поэт?

Владимир. Не понимаете? Вот и я не понимаю. И никто не понимает. Но если там (*показывает наверх*) утверждают, что ты поэт, то ты и будешь считаться поэтом.

Джон. Там? Наверху? Где Бог?

Владимир. Год? Бог? Да какой Бог, мистер! В нашей стране Бога нет, но у нас есть правила. Будешь играть по правилам – станешь выше любого Бога. В перспективе, конечно, а так – довольно просто быть выше Бога, которого нет. А вот вы верите в Бога?

Джон. Вы видели доллар?

Владимир. Доллар?

Джон. Ну да, доллар. Там на обратной стороне написано – «В Бога мы веруем», то есть на Бога уповаем, и он дал нам богатство, дал нам этот самый доллар. Когда про Бога пишут на долларах – сложно верить в такого Бога. Куда проще верить в этот самый доллар, раз он все равно Богом даден.

Владимир. А у нас нет Бога на деньгах. У нас на деньгах Ленин. Хотя, выходит, в нашем обществе именно Ленин и заменил Бога.

Джон. Ленин? О, я знаю. Мавзолей! Красная площадь!

Владимир. Да-да, ред сква. Она, Красная площадь. Кстати, красиво, тут ничего не скажешь. Вообще – Москва удивительно красивый город, он совсем не похож на Нью-Йорк ваш, да и вообще ни на один другой город не похож. Впрочем, каждый человек любит свой родной город, от этого никуда не денешься, вообще, что уж поделывать. Но я – про поэзию. И про Бога, да. Потому что если мы говорим, что поэзия от Бога, то... Я сегодня говорил об этом у бассейна. Именно об этом – еще о многом другом, но и об этом тоже. Ходите я расскажу вам, что случилось сегодня у бассейна?

Джон. Вы хотите мне что-то рассказать?... Хм, знаете, несколько лет назад я бы уже двадцать минут назад ушел, и даже, наверное, с вами бы не заговорил. А сейчас – я знаю, что вы не понимаете ни слова из того, что я говорю, а я не понимаю вас. Но я вижу, я чувствую – вам надо выговориться. Так что – говорите, я слушаю. Пожалуйста.

Владимир. Плиз... Спасибо, мистер. Я недолго. Итак, что случилось у бассейна. Да, я сперва расскажу, что это бы за бассейн. Так получилось – здесь у меня много друзей, очень много. Кому-то нравится, что я делаю в театре, кому-то нравятся мои стихи, нравится, как я пою... Я, получается, еще и певец... Сингер...

Джон. Певец? Ого...

Владимир. Да, да, певец... Пою, но я пою как актер, понимаете, я проживаю каждую свою песню... Каждую. Именно поэтому, если я пишу песни, то пишу их как монологи, от первого лица. И если я говорю – «я», а песня, например, поется от лица самолета, эрплейн, понимаете, андестенд? – то я становлюсь этим самым самолетом.

Джон. Песня? О самолете? Актер? Боже, это какой-то невероятный человек, просто невероятный.

Владимир. Я вам спою потом, если захотите... И вот там, у бассейна, это был бассейн Миши Барышникова, большой такой, прямо на крыше устроен, прямо наверху, на крыше небоскреба, представляете? – мы там все веселились, ну и выпивали, конечно. И они спросили меня

тогда – не хочу ли я остаться. Понимаете, не хочу ли я остаться здесь, в Америке. Навсегда. Стей. Хиа. Ин Америка. Фореве.

Джон. О, мне это знакомо. Я и сам когда-то здесь остался навсегда. Просто взял, решил – и остался. И, знаете, нет ни малейшего сожаления. Иногда так просто – взять и все поменять. Женщину. Дом. Город. Страну. Поменять и все. Потому что там, где тебе хорошо – там твой дом.

Владимир. Хоум... Дом... Да, там где гуд, там где хорошо... А вот что делать, если тебе – не хорошо? Если тебе не гуд?

Джон. Не хорошо?... Знаете, я сейчас скажу то, что, наверное, не говорил никому и никогда. Иногда я начинаю чувствовать, что внутри меня живет... кто-то другой. В нем нет ни следа от того Джона, который был лет десять назад. Тогда, конечно, было совсем другое время, и я был – мальчишка, ничего не понимал, ничего не знал. Но все было просто, понятно – весело и по-доброму. А потом... А потом ты меняешься. Ты начинаешь играть роль. Хочется казаться хорошим. Всем. Для всех. И ты начинаешь прикидываться. Притворяться. Имитировать. Врать. Постоянно врать. Дома ты один, с друзьями – другой, с коллегами – третий. А где ты – настоящий? Где тот мальчик, что радовался рассвету и смеялся, когда ночью муха ползет по плечу и щекочет лапками? Неужели он навсегда исчез? Но нет ведь, вот он, по-прежнему жив, внутри меня, он здесь, никуда не делся? Но кому нужен этот мальчишка? Да никому. Попросту – никому...

Владимир. Ноуан. Никто... Да, никто. И никто не понял меня там, у бассейна – я же говорил, что должен рассказать вам о том, что случилось у бассейна? Там же тоже – никого не было, никого, кто бы понял меня, кто бы почувствовал, кто бы вообще мог представить, что со мной происходит. Они мне все, в один голос: «Спой, спой, Володя!». И я пою, а они – плачут. Они все – плачут. Там был Николсон. Там был Битти. Там все – плачут, понимают, все понимают, даже не понимая ни слова, ни звука, ни единой фразы... Они не понимают значения слов, но понимают при этом, о чем я пою. Фантастика! Опьяняет! Нечеловечески, похлеще водки...

Джон. Водка?

Владимир. При чем тут водка? Вот, стереотип, раз русский – так водка... Мы все оказываемся пленниками стереотипов, неуловимых, странных, невероятных стереотипов. И никуда от этих стереотипов не денешься – будь уверен в них, живи с этими стереотипами, не вырваться из них, не пролезть сквозь них, не изменить их. Раз Володя – так непременно с гитарой. Я же говорил, что я актер? Знаете, сколько людей меня поджидает у служебного входа театра? Десятки! Передают кассеты, стихи, тащат выпить – обязательно будет какой-то ханыга со стаканом. И, с одной стороны, я не должен их обижать – в конце концов, они – от чистого сердца, они не со зла. И подписываешь фотографии, пластинки, просто бумажки какие-то, и отвечаешь, если спрашивают... Но нет-нет да и рявкнешь на кого-то особо назойливого – куда ж без этого, иначе не получается... А потом садишься в машину, едешь домой и коришь самого себя за это. Так вот, давайте я все-таки дорасскажу, что было сегодня у бассейна...

Джон. Говорите, говорите, пожалуйста. Я вижу, вам важно.

Владимир. Импотант... Да, вери импотант. Вери мач импотант, я бы так сказал. Так вот – я пел им сегодня, там, у бассейна, и они сказали мне столько хороших, теплых слов, столько важных слов, столько невероятно искренних слов... Я думаю, они именно что были искренними – были, а не казались. И я улыбался в ответ, и мне было приятно. Еще бы не приятно, когда тебя слушает сам Джек Николсон, великий Джек Николсон! И я допел, и захотел просто чуть-чуть передохнуть, пройтись – а они меня не отпускали. Вообще. Совсем. «Еще, еще!» – кричали они. Но я все-таки вышел, спустился вниз, на лифте, долго спускался, это же небоскреб – и очутился на парковке. Там я закурил и стал думать о том, что со мной только что произошло.

Джон. Не понимаю ни слова, но говорите, говорите, мне нравится, как вы говорите...

Владимир. Вот и они так же, кивали, улыбались и говорили, «лайк, лайк, джениус»... А я стоял на парковке, курил и думал – может, бросить все к чертовой матери, остаться здесь, буду играть в Голливуде, авось, пристроят, буду что-то делать, язык выучу худо-бедно, я вот уже по-французски говорю немного, не последняя я бездарность все-таки. И вдруг – я вижу как к соседней машине идет... он.

Джон. Что?

Владимир. Чарльз Бронсон. Знаете его?

Джон. О, Бронсон! Ковбой!

Владимир. Да-да, ковбой! Сколько я фильмов с ним смотрел! Как мне нравились эти фильмы! Честно, нравились. Нет-нет, не подумайте, я не сентиментальный человек, но редко, когда увидишь на экране настоящего мужчину – сильного, смелого, красивого. И я сделал шаг к Бронсону, я просто хотел пожать ему руку, сказать ему это «спасибо», это «сенк ю», может, тоже сказать, что я актер...

Джон. Что же случилось, хотел бы я знать...

Владимир. А он посмотрел на меня и говорит: «Гет аут». Отвали то есть. Понимаете, он принял меня за одного из назойливых поклонников, он думал, что мне нужен был автограф или что-то такое. Он меня попросту отшил, понимаете? Как я бы, например, отшил ханыгу со стаканом. Но я-то не ханыга! И я тут понял – я для него – как тот негр на пятой авеню, которого я видел, все проходят мимо, и никому не важно, что с ним происходит, жив он или умер. Все – даже Чарльз Бронсон – пройдут мимо меня, потому что никому нет дела, ни до меня, ни до кого-то еще. Всем есть дело только для себя.

Джон. Он вам нагрубил...

Владимир. Для всех существуют только они сами – природный, а, может, приобретенный эгоизм, я не знаю, да и, признаться, разбираться не хочу. Я понял тогда лишь одно – играть по этим правилам я не буду никогда. Мне все-таки нужна человечность, а не этот «гет аут». Мне нужно понимать, что все не просто так. Что я нужен этим людям, и что они любят не образ на сцене, а немножко любят и меня, за то, что я – человек. Не самый плохой человек, как мне кажется. А здесь – это невозможно. Это может быть только там, дома. И никаких других вариантов. К сожалению. Хотя – почему, к сожалению? Если мне нельзя быть здесь, то кто сказал, что мне будет плохо – там?

Джон. Не знаю, о чем вы говорите, мистер, но ваши эмоции... О, я их понимаю. Я понимаю. Нью-Йорк завораживает, Нью-Йорк захватывает. Знаете, я родился в Англии, жил в Ливерпуле, потом в Лондоне, но нигде я не чувствовал себя в безопасности. Нигде, никогда. Это ужасно... Я когда-то играл в группе, не знаю, слышали ли о нас в России, но думаю, что слышали – во всяком случае, ваше правительство нас на гастроли к вам не пустило, – и мы были настолько популярны, что не могли и ярда по улице пройти.

Владимир. Популярны? Попьюла? О, мистер, кажется, мне все понятно... А я-то думал, что показалось, что просто... Что просто – похож... Получается, это – вы и есть. Не сказал бы, что знаю ваше творчество, но знаю, конечно, хотя не понимаю в этом ни черта... Просто – ни черта. Но вы – уже звезда, вы же не Бронсон, вы говорите со мной и не отшатываетесь. Значит это – двойной знак, двойное понимание. Еся – Бродский, знаете? Не понимаете? – Еся сказал мне, что вскоре и меня будут знать повсеместно, что мировая слава вот-вот – и придет. Но и тогда – вот знак мне, вот модель – быть как вы, мистер, но не как Бронсон... И ведь верно говорят, что если Бог хочет что-то нам сказать – то он общается с нами на языке случайностей. А когда случайность так... Популярна? Попьюла?

Джон. Популярны? Да не то слово! Я же говорю – нельзя было шагу шагнуть! Начиналось форменное безумие: дети, женщины, мужчины – на нас форменным образом набрасывались, разрывали на части. Вы давали автограф одному, а в это время от вашего костюма пытались

отодрать пуговицу на память еще с десятков фанатов. Приходилось нанимать охрану, но и она не справлялась. Не справлялась, хоть ты тресни. И я решил уехать. Навсегда. Все рушилось – рушился мой мир, рушилось то, во что я верил, на что надеялся. Прошлое не сулило будущего, настоящее отвергало прошлое. И была только любовь – больше не было ничего...

Владимир. Любовь... И вы тоже – цеплялись за любовь? Лав?

Джон. Любовь, любовь... Она же тоже меняется, как и мы, мы растем – и любовь растет вместе с нами. Я почти не видел свою мать – но знал, что она есть. Она приходила, да, обнимала меня большими руками – у нее почему-то были большие кисти рук – и смеялась, громко смеялась. И пела мне песни. И у меня была к ней любовь. А потом была другая любовь – к друзьям. К первой жене. К первому сыну. А потом... Потом я встретил женщину, которую полюбил больше, чем самого себя. А теперь нас трое (*показывает на пальцах*) Я, она и сын. Наш сын. Наш Шон.

Владимир. Шон? Сан? Сын? О, у меня тоже сыновья. Двое. В Москве сейчас. Хорошие ребята, растут. Старший все больше болеет, младший все больше шалит. Хорошие ребята – я вот зашел в магазин, джинсы им купил, игрушки... Я плохой отец, наверное, редко их вижу – реже, чем надо...

Джон. А мой сын – что еще мне надо, кроме него? Знаете, мы с вами сейчас разговариваем именно благодаря ему. Он изменил меня, совсем, наизнанку вывернул. Другим человеком сделал. Совсем другим. Раньше – я говорил! – я бы прогнал вас, обругал, поднял бы воротник и исчез. А сейчас – говорю с вами, несмотря на то, что не понимаю ничего. И вы меня не понимаете... Но мы же как-то говорим... Говорим ведь, да?

Владимир. Йес... Йес... И ведь я понимаю, с кем я говорю. Вот только жаль, что вы не понимаете, с кем вы говорите... Хотя, кто знает, может, и поймете... Когда-нибудь... Сейчас я попробую сказать... Мистер... Сам дей... Ю вилл ремембер энд андестенд виз хум ю токд. Вот... Как-то так...

Джон. Что? Я пойму? Да, наверное... Может, там, у вас в России меня не знают, а вас знают... Но... Но я даже не знаю, что еще сказать... (*протягивает Владимиру руку, тот ее пожимает*)

Владимир. Спасибо, что выслушали.

Джон. Спасибо, что выслушали.

Владимир. Идемте? Выйдем вместе? Как-то символично будет – порознь пришли, но вместе пойдем. Ну, или я пораньше, а вы попозже. Может, хотите еще посидеть?

Джон. Идите вперед. А я за вами.

Владимир медленно уходит, Джон, чуть помедлив, идет за ним.

В это время к скамейке подходит молодой человек, садится, достает книгу, раскрывает, читает вслух.

Молодой человек. «Если вам на самом деле хочется услышать эту историю, вы, наверно, прежде всего захотите узнать, где я родился, как провел свое дурацкое детство, что делали мои родители до моего рождения, – словом, всю эту давид-копперфилдовскую муть. Но, по правде говоря, мне неохота в этом копать. Во-первых, скучно, а во-вторых, у моих предков, наверно, случилось бы по два инфаркта на брата, если б я стал болтать про их личные дела. Они этого терпеть не могут, особенно отец. Вообще-то они люди славные, я ничего не говорю, но обидчивые до чертиков. Да я и не собираюсь рассказывать свою автобиографию и всякую такую чушь, просто расскажу ту сумасшедшую историю, которая случилась прошлым рождеством. А потом я чуть не отдал концы, и меня отправили сюда отдыхать и лечиться...»

Затемнение.

Виктория

Спиритическая комедия

Действующие лица

Джеки Каллен, молодой человек лет 30, практикующий спиритист (а вернее – аферист)

Фрэнк Питерс, его компаньон и приятель, около 30 лет

Мисс Симпсон, старая дева, около 80 лет

Грегори Вуловиц, брокер, вдовец, около 50 лет

Саманта Коллинз, манекенщица, 18 лет

Юрий Осинский, русский олигарх в международном розыске, а проще говоря – бандит, точный возраст неизвестен, на вид – от 40 до 60 лет

Виктория, призрак, 115 лет, выглядит как девушка лет 25.

Майкл, ангел, может выглядеть ровно так, как и любые другие ангелы – то есть как угодно

Действие происходит в Лондоне в наши дни.

Картина первая

Пустая гостиная в викторианском английском доме – собственно, здесь и пройдет действие всей нашей истории. Мебель затянута белыми чехлами – все довольно запущенно. Между мебелью ходит Виктория – она одета во все белое, похоронный венчик в волосах, что и неудивительно – она призрак.

Виктория ошарашенно смотрит по сторонам.

Виктория. Как странно... Мне казалось, что все кончено – только что я задыхалась, кашляла, грудь сдавливало. И доктор Гордон – да, да – я слышала его слова: «Крепитесь, это агония, последние минуты». Я умираю, это несомненно, я умираю – и, как мне казалось, я умерла. Умерла ведь?

Голос. Совершенно верно, умерла.

Виктория (*озираясь*). Кто это?

Голос. Я.

Один из затянутых чехлами предметов мебели начинает шевелиться – оказывается, что это человек, прятавшийся под чехлом. Это – Майкл.

Майкл. Это я. Привет, Виктория.

Виктория. Откуда вы знаете, как меня зовут?

Майкл. Это несложно. Я знаю все про всех – соответственно, и про тебя тоже. Видишь ли, Виктория, я – ангел.

Виктория. Ангел?

Майкл. Ну да, ангел. Если быть точнее – архангел. Старший ангел. Меня зовут Михаил. Но ты можешь называть меня Майкл, так проще.

Виктория. Майкл?

Майкл. Ну да, Майкл. (*закатив глаза*) Господи, всегда одно и то же – являешься им, объясняешь, что и как, а они не верят. Ни живые не верят, ни мертвые...

Виктория. Мертвые?

Майкл. Ну да, мертвые, мертвые. Вот как ты. Такое редко бывает. Но иногда все-таки случается. Вас забирают, но не пристраивают до поры до времени. Ждут.

Виктория. Ждут?

Майкл. Да что вы все время переспрашиваете? Ну да, ждут.

Виктория. Чего ждут?

Майкл. Чего ждут? Ну что вы, как маленькая, ей-Богу. Ждут суда. Решения. Вас же помирает каждый день сотни тысяч, со всеми разом не разберешься, время не резиновое. Он (*показывает пальцем вверх*) вложил в сутки всего двадцать четыре часа и, поверьте, у него, там, наверху, время течет примерно так же, как и здесь. Чуть-чуть подольше даже. На семь секунд – ровно настолько, чтобы успеть оценить плод трудов своих и сказать: «И это хорошо!»

Виктория. Вы шутите?

Майкл. Не больше вашего. Ну, разве что самую малость. Впрочем, речь не об этом. Давайте серьезно – я был обязан сопроводить вас, и я эту миссию выполнил.

Виктория. Сопроводить? Куда?

Майкл. Как – куда? На землю, естественно. Вас было решено вернуть. Поверьте, такая честь выпадает далеко не всякому. Тем более – женщине. Мы выбираем для возвращения

исключительно чистые, непорочные души, ведь перед вами ставится сложная задача, выполнить которую, будучи раздираемой грехом, далеко не всем по силам.

Виктория. Какую задачу? Я, кажется, совсем запуталась...

Майкл. Ничего страшного. Все сперва путаются, но потом дело идет как по маслу. Все не так уж и сложно. Видите ли, у нас сложилась проблема – нас перестали уважать.

Виктория. Кого это – вас?

Майкл. Нас – это нас, Виктория. Нас. Тех, кто превыше этого мира. Над нами смеются, сочиняют анекдоты, снимают кино.

Виктория. Кино? Что такое – кино?

Майкл. Ох... Я совсем забыл... Скажите, вы ничего не слышали о братьях Люмьер?

Виктория. А! Синема! Конечно! Папа водил меня в синематограф на «Политого поливальщика»... Но ведь это всего лишь наивная французская забава, самодвижущиеся картинки...

Майкл. Картинки... Знали бы вы, Виктория, каких масштабов достигли эти самодвижущиеся картинки в наше время... Вас вернули в 2012 год.

Виктория. В какой?

Майкл. В 2012. Ровно через сто пятнадцать лет после вашей кончины. Но не волнуйтесь, вас вернули обратно в Англию. В ваш родной Лондон. Практически в ваш дом – тот самый, где вы умерли сто с лишним лет назад. Дом немного перестроили, но, впрочем, вы быстро освоитесь. Вам ведь теперь предстоит стать его призраком.

Виктория. Кем-кем?! Призраком?

Майкл. Совершенно верно. Призраком этого места. Будете обитать здесь, приглядывать за домом.

Виктория. Но зачем?

Майкл. Затем, что сегодня в этот дом въезжают двое сомнительных молодых людей. Видите ли, они планируют открыть здесь спиритический салон.

Виктория. Спиритический? Для общения с духами умерших? Со... со мной?...

Майкл. Этого они меньше всего ожидают. Они, надо сказать, вообще не верят ни в каких духов, а планируют пудрить мозги наивным людям, жаждущим беседы с покойными родственниками.

Виктория. Как именно?

Майкл. Откуда я знаю? Вот сами и посмотрите. У вас много времени, поверьте.

Виктория. И что я должна с ними делать? Пугать их? Выскакивать из-за угла? Проходить сквозь стены? Кстати, я могу проходить сквозь стены?

Майкл (*кивает*). Можете. Этой способностью мы награждаем всех призраков совершенно бесплатно.

Виктория. А другие люди будут меня видеть?

Майкл. Вы что, Шекспира не читали, что ли?! Призраки видны только тому, кому они являются. И говорят – исключительно с ними. Вы уполномочены являться одному из новых владельцев этого дома. Вот и являйтесь. А самое главное – присмотрите за ними. Не дайте им зайти слишком далеко – насмешки насмешками, но палку не стоит перегибать, ей-Богу. Нельзя же быть настолько наглыми – «спиритический салон», подумать только! Одним словом – приглядывайте. А я, по мере сил, буду приглядывать за вами. Не скушайте, осваивайтесь!

С этими словами Майкл ласково похлопывает Викторю по плечу и исчезает.

Виктория. Легко сказать – не скушайте... И как он, интересно, себе это представляет? Подумать только – сто пятнадцать лет... Это же... Это же – все... мертвы?... Мама? Папа? Тетушка Мэгги? Дядя Альберт?... (*всхлипывает*)

Раздаются шаги и голоса.

Картина вторая

Входят Джеки Каллен и Фрэнк Питерс. В руках у Джеки – большая коробка с различной техникой, у Фрэнка – ноутбук. Они не видят Викторию, а активно обсуждают только что купленную квартиру.

Джеки. Это потрясающе, Фрэнк, просто потрясающе! Это сделка века – нам фантастически повезло, представляешь? За копейки, сущие копейки! Кому расскажешь – не поверят!

Фрэнк. Отличное начало, Джек, просто великолепное! Лучше и не придумаешь! Знаешь, сколько мы получили писем? Уже двенадцать! Двенадцать клиентов – и пятерым я назначил первые прием на сегодня!

Джеки. А ты не поторопился?

Фрэнк. Ни в коем случае. Чем раньше мы начнем, тем быстрее о нас пойдет слава. Вернее, не о нас, а о тебе. Ты же Джек Каллен, магистр спиритизма, владеющий тайной связью с вечными духами, тонким миром и тенями предков...

Виктория. Какая глупость!

Джек. Кто это сказал?

Фрэнк. Ты что, Джек? Что значит – «сказал»? Ты же сам придумал этот план...

Джек. Нет, Фрэнк, я не об этом. Кто-то сказал «Какая глупость!». Женский голос. Довольно милый.

Фрэнк (*ухмыляясь*). Ну, это ты у нас специалист по потусторонним голосам. Я-то ничего не слышал. Впрочем, давай-ка продолжим. Итак, через полчаса сюда явится миссис Симпсон. Старушка, немного трехнутая.

Джеки. Кто у нее умер?

Фрэнк. Понятия не имею. Наверняка муж – такой же старый болван. Прожили вместе пятьдесят лет, а потом он подавился арахисовым маслом... Ну, или умер от разрыва сердца, когда сел смотреть порнуху. Мало ли способов отправиться в могилу – тем более у восьмидесятилетнего старикана?

Джеки. И что мы с ней будем делать?

Фрэнк. Никаких технических ухищрений. Подумай, поговори, закатай глаза – так, как ты умеешь. Как обычно.

Джеки. Да-да, общие слова, никакой конкретики.

Фрэнк. Совершенно верно, старина, никакой конкретики. (*звонит телефон*) Алло? Да, мисс Симпсон, конечно! Я встречу вас, безусловно. (*вешает трубку*) Готовься, она уже здесь! Побольше таинственности! (*уходит*)

Виктория. Какая гадость!

Джеки. Кто здесь? Снова этот голос...

Виктория. Это... это призрак этого дома. Да, это призрак. Слышите меня?

Джеки. П-призрак?

Виктория. Ну да. Призрак. Меня зовут Виктория, и я умерла сто с лишним лет назад.

Джеки. Умерли? Почему?

Виктория. Заболела. Заболела чахоткой – ее тогда не умели лечить. А, кстати, сейчас умеют?

Джеки. Чахотка – это что?

Виктория. Кровавый кашель. Очень больно.

Джеки. А, туберкулез! Лечат, да, лечат.

Виктория. Жаль. Впрочем, меня это вряд ли может спасти... А вы, получается, жулик и шарлатан?

Джеки. Ну, отчего же? Скажем так – я помогаю исполняться самым смелым мечтам. Я – в какой-то мере волшебник, и пусть и не очень умею колдовать. И палочки, как у Гарри Поттера у меня нет.

Виктория. Палочки? У мистера Поттера? А откуда вы знаете, что мистер Поттер ходил с палочкой? Его ударила лошадь тридцать лет назад – и он охромел. Пришлось ходить с костылем. Он жил в доме напротив. Очень милый и добрый человек – но я не думала, что имя переживет мистера Поттера настолько...

Джеки. Нет-нет, ваш мистер Поттер тут совершенно ни при чем. Гарри Поттер – это волшебник, герой сказки. Нашей, современной. Он ходит с палочкой, но только с волшебной. Вам принести книжку? Вы умеете читать?

Виктория (*с досадой*). Как вам не стыдно! Я – образованная девушка и, конечно же, я умею читать!

Джеки. Прошу прощения, ни капли не хотел вас обидеть!

Виктория. Я практически не обиделась.

Джеки. Скажите, а вы можете мне... показаться? Я бы хотел на вас взглянуть.

Виктория. Думаю, это возможно. Но, похоже, еще не пришло время. Я слышу шаги – одни молодые, другие старческие. Похоже, ваш друг возвращается с клиенткой!

Картина третья

Входят Фрэнк и мисс Симпсон.

Фрэнк. Мистер Каллен, это мисс Симпсон. Та самая, чей приход вы предвидели во сне... в четверг?

Джеки. В среду, Фрэнк. В среду – как раз закончился футбольный матч.

Фрэнк. Прошу прощения. Что ж, я оставлю вас. Но, мисс Симпсон, позволите ли гонорар?

Мисс Симпсон. Да, пожалуйста (*раскрывает сумочку, достает деньги и передает их Фрэнку*).

Фрэнк. Благодарю вас, мисс Симпсон. Мистер Каллен, я вас оставляю – и не забудьте, через полчаса у нас следующий клиент (*уходит*).

Долгая молчаливая пауза. Джеки и мисс Симпсон оглядывают друг друга. Виктория безучастно взирает на происходящее.

Мисс Симпсон. Простите, молодой человек, я правильно понимаю, что вы можете связаться с любой умершей душой?

Джеки. Конечно. Это моя работа. Но я бы на вашем месте, мисс Симпсон, не употреблял выражение «умершая душа». Если бы души могли умирать – моя работа была бы бессмысленна, я был бы полным шарлатаном.

Виктория громко фыркает

Джеки. Да-да, полным шарлатаном! Душа не может умереть, мисс Симпсон. Душа вечно жива и всегда с радостью поговорит с оставшимися здесь, на этой брэнной земле, родными...

Мисс Симпсон. Всегда...

Джеки. Конечно. Вот и сейчас... Вот прямо сейчас... (*закатывает глаза*) О-о-о-о, я это чувствую, он уже здесь, он зовет вас... Да, сейчас он назовет имя... Я чувствую приближение... Это... это...

Мисс Симпсон (*восторженно*). Это Гомер!

Джеки. Да, это Гомер! Он здесь, мисс Симпсон, он здесь! Спрашивайте его, мисс Симпсон! Спрашивайте!

Мисс Симпсон (*дрожащим голосом, взволнованно*). Гомер, это ты?

Джеки (*важным голосом*). Да, дорогая, это я.

Мисс Симпсон (*еще более взволнованно*). Гомер, дорогой, где ты?

Джеки (*важным голосом*). На небесах, моя дорогая. Я на небесах. Не печалься, милая, я вижу твою тоску, я чувствую твою грусть... Здесь хорошо, здесь очень хорошо.

Мисс Симпсон. Правда?

Джеки (*важным голосом*). Конечно. Я никогда тебя не обманывал.

Мисс Симпсон. У тебя ничего не болит? Как твоя спинка?

Джеки (*важным голосом*). Очень хорошо, дорогая. Я чувствую себя просто прекрасно, так, как и в двадцать лет, помнишь?...

Мисс Симпсон (*ошарашенно*). Что?! В двадцать лет?!

Виктория (*с насмешкой*). Могли бы хоть выяснить подробности...

Джеки (*мотаает головой*). Какие-то помехи, мисс Симпсон! (*хватается за виски, лихорадочно их трет*) Кто-то вмешивается в наш разговор! Гомер! Гомер, не уходите!

Мисс Симпсон. Мистер Каллен, это невозможно! Мой Гомер умер, когда ему было уже восемнадцать! Он не дожил до двадцати, кошки так долго не живут!

Джеки (*удивленно*). Кошки? (*спохватывается*) Ах да, конечно! Понимаете, мисс Симпсон – связь с домашними животными – вещь еще более тонкая, их слова частенько искажаются... Вы ведь не поняли бы меня, если бы я мяукал, как Гомер?

Мисс Симпсон (*ворчливо*). Отчего же! Я всегда его прекрасно понимала. Если Гомер говорил «мяу-мяу» – это означало, что все хорошо. А вот так – «мииииииау» – он говорил, когда хотел кушать. А если говорил «мня-мня» – значит, хотел играть.

Джеки. Мисс Симпсон, не сомневаюсь, что вы легко находили общий язык с вашим котиком, когда он был жив. Но теперь, после смерти, общаясь с вами через меня, Гомер вынужден общаться по-английски, а не по-кошачьи. Он путается в числительных. Конечно, он хотел сказать – «в два года», а не «в двадцать лет». Не сердитесь на котика.

Мисс Симпсон. Да как я могу сердиться на своего обожаемого Гомерчика! Гомер, мама любит тебя и очень скучает... (*заинтересованно*) Скажите, а я могу его погладить?

Джеки. Тактильный контакт – очень сложная вещь. Он будет стоить мне уймы сил...

Мисс Симпсон. Я заплачу! Столько, сколько вы скажете.

Джеки. Пятьдесят. Наличными. Согласны?

Мисс Симпсон. Конечно!

Джеки. Отлично! Я успею, успею – пока Гомер не ушел. Я еще могу удержать его на несколько минут, но рекомендую поторопиться... (*делает страдальческую гримасу*) Закройте глаза, мисс Симпсон! Немедленно закройте глаза!

Мисс Симпсон (*удивленно*). Почему?

Джеки. Вы же просите о тактильном контакте, а не о визуальном! Будет вспышка, мы все ослепнем! Закройте глаза, мисс Симпсон, ради всего святого, закройте глаза!

(*Мисс Симпсон закрывает глаза, на ее лице – выражение недоумения и страха одновременно*)

Джеки. Сейчас, сейчас, сейчас, Гомер, я тебя вытащу... Вот-вот, хороший котик... (*озирается по сторонам, осторожно подходит к накрытому чехлом креслу, роется под ним*)

Мисс Симпсон. Что вы там делаете?

Джеки. Ничего особенного, мисс Симпсон, всего лишь открываю портал... Ни в коем случае не открывайте глаза – это сияние иного мира, оно может ослепить вас...

Мисс Симпсон. А Гомер?... Вы его видите? Чувствуете?

Джеки. Я пытаюсь! (*шарит под чехлом*) Да! Чувствую! Нашел! Я тяну его сюда, мисс Симпсон, буквально несколько секунд! (*вытаскивает из-под чехла затасканную и проеденную молью старую горжетку*) Уже почти!

Виктория (*удивленно*). Боже мой! Горжетка тетушки Мэгги! Неужели она сохранилась!

Джеки. Вот он! (*сжимая в руке горжетку, подходит к мисс Симпсон*) Мисс Симпсон, не открывая глаз, осторожно протяните правую руку. Вот так... Чувствуете? (*подсовывает ей горжетку*).

Мисс Симпсон (*гладит горжетку*). О да! Это он! Это Гомер! Я узнаю его нежную шерстку! Мой дорогой мальчик! Гомер!

Джеки. Не открывайте глаза, мисс Симпсон! Сияние нарастает – я не могу больше держать Гомера в нашем мире. Отпускайте вашего котика, отпускайте!

Мисс Симпсон. О, Гомер! (*отпускает горжетку*)

Джеки. Да!!! (*выбрасывает горжетку за мебель*) Все! (*садится на пол, взъерошивает волосы*) Можете открывать глаза, портал закрылся.

Мисс Симпсон. О, это чудо, мистер Каллен! Мой мальчик, вы настоящий маг! Нет, вы святой, вы настоящий святой! Как вы это делаете?

Джеки (*пожимает плечами*). Не знаю. У меня этот дар с детства, мисс Симпсон. Понимаете, я их просто слышу.

Мисс Симпсон. Всех? Вы слышите всех мертвых?

Джеки. Ну, практически. Всех, кто поблизости. Вот, в прошлый уик-энд пошел в Вестминстерское аббатство, просто, прогуляться – так пришлось оттуда сбежать. В уголке поэтов Китс и Элиот подняли такой гвалт, что диву даешься. А потом пришел Ларри...

Мисс Симпсон. Ларри?

Джеки. Ну да, Ларри. Сэр Лоуренс Оливье. Знаете, как только там, на небесах, он примет чуть больше амброзии, чем нужно – сразу начинает страшно ругаться, как сапожник, и петь непристойные песни. Китсу это ужасно не нравится. А Шелли – там еще был и Шелли! – все время рассказывает дурацкие анекдоты про Шекспира и Джона Донна. Такой шум стоит, никуда от них не спрячешься...

Мисс Симпсон. Уму непостижимо.

Джеки (*кивает*). Вот-вот. Порой мне самому кажется, что я сошел с ума. Но, впрочем, мы разговорились. Не сочтите меня невежливым, мисс Симпсон, но мне необходимо отдохнуть.

Мисс Симпсон. Конечно-конечно, я все понимаю! Простите, мистер Каллен. А когда я могу...

Джеки. Снова увидеться с Гомером?

Мисс Симпсон. Да!

Джеки. Не раньше, чем через неделю. Слишком часто открывать портал не рекомендуется – через него в наш мир могут прорваться не только души, страждущие свиданий с родными, но и темные сущности, адские сущности.

Мисс Симпсон. Какой ужас! Вы – отважный юноша, мистер Каллен.

Джеки. Не без того, мисс Симпсон. Приходится быть отважным, когда каждый день балансируешь между небесами и преисподней... Что касается оплаты и внесения аванса за следующий сеанс – передайте деньги моему помощнику мистеру Питерсу. Я не имею права даже к ним прикасаться – дар пропадет.

Мисс Симпсон. Конечно, я понимаю... Спасибо, мистер Каллен, огромное спасибо... (*уходит*)

Виктория. Каков мерзавец! Взял горжетку тети Мэгги и выдал ее за несчастного мертвого котика!

Джеки. Отчего же – выдал? Она свято уверена в том, что гладила своего обожаемого Гомера. Никто не доказал обратного.

Виктория. Но я же видела...

Джеки. Но она-то – нет! Она ничего не видела, но свято уверена в том, что чувствовала! Виктория, дорогая, смотрите – сам факт вашего существования говорит о том, что призраки существуют, так? Значит, вы сняли у меня с души довольно увесистый камень – хоть в чем-то я своих клиентов не обманываю.

Виктория. В чем же это?

Джеки. В том, что контакты с призраками возможны. Еще час назад я был в этом совершенно не уверен. А теперь понимаю – возможно и это. Так что не такой я уж и лжец. А что касается несчастной мисс Симпсон – она так хотела еще раз погладить своего обожаемого Гомера, что я предоставил ей эту возможность. Да она на Библии поклянется, что снова перебирала шерстку своего безвременно почившего кота! И ложь, Виктория, бывает святой, как правда! Вот, скажите, разве во время вашей болезни, как ее – чахотки? – приходившие к вам врачи говорили, что вы умрете?

Виктория (*растерянно*). Нет, напротив, доктор Гордон уверял, что все будет хорошо, и к маю я обязательно поправлюсь.

Джеки. Вот видите! Ваш доктор врал вам, врал, как сивый мерин, прекрасно понимая, что шансов на выздоровление у вас не было. И еще, наверное, даже плату за лечение брал. Ну, брал ведь?

Виктория (*грустно*). Брал. Соверен за визит.

Джеки. И чем ваш доктор Гордон лучше меня? Да ничем! И расценки, надо сказать, у меня пониже!

(*входит Фрэнк*)

Фрэнк. Джек, ты гений! Развел старуху на полтораста фунтов – и она дала еще столик сверху за будущий визит! Наваром – четверть куска, Джеки! Это феноменально!

Джеки. Ничего феноменального, Фрэнк. Это только начало. Кто там дальше?

Фрэнк. Его зовут Грегори Вуловиц, и у него умерла жена. Вчера. Ему нужно о чем-то с ней поговорить.

Джеки. Свежий вдовец? Очень интересно, Фрэнки. Это тебе не полоумная старушка со сдохшим котом... Зови его сюда.

Фрэнк. О'кей, Джеки! (*выходит в коридор, зовет*) Мистер Вуловиц? Магистр Каллен готов вас принять!

Картина четвертая

Входит мистер Вуловиц, это грузный мужчина в дорогом костюме с галстуком. Видно, что он давно и продуктивно горюет – красное лицо, заплаканные глаза.

Джеки. Восемнадцатилетний «Джеймисон»?

Вуловиц (*удивленно, тихо*). Что вы говорите?

Джеки. Восемнадцатилетний «Джеймисон». Вы уже не первый день пьете восемнадцатилетний «Джеймисон». Поверьте, этот запах я узнаю из тысячи. Почему не скотч? С чего это вы решили, что ирландский виски вас утешит?

Вуловиц (*грустно*). От меня пахнет, да?

Джеки. Не просто пахнет, друг мой. От вас разит как от винной лавки.

Вуловиц. Я пью третий день, мистер Каллен. Позавчера стало ясно, что надежды нет. А вчера Мэри ушла навсегда. Ее... наш агент обо всем позаботится, есть шанс похоронить ее даже на Хайгейте, я выкупил там участок земли...

Джеки. Хайгейт? Прекрасно, прекрасно, отличное кладбище. Но, наверное, дорого вам это удовольствие обошлось?

Вуловиц. Влетело в копеечку... (*встрепенувшись*) Позвольте, вы сказали «удовольствие»?

Джеки. Ну да, удовольствие. Удовольствие для Мэри.

Вуловиц. То есть?

Джеки. Я разве не говорил вам? Мэри здесь, она никуда не ушла.

Вуловиц. Как это?

Джеки. Очень просто. Ее душа тут, с нами, как и тысячи, сотни тысяч других душ. И сейчас она очень недовольна.

Вуловиц. Чем же?

Джеки. Вашим пьянством, мистер Вуловиц, вашим пьянством. Сколько сделок вы заваляли за сегодняшний день?

Вуловиц. Я сегодня вообще не вышел на работу.

Джеки. Естественно. И сразу же прилипли к бутылке с пойлом. Разве Мэри никогда не говорила вам о том, как ее раздражает ваше пьянство?

Вуловиц. Говорила...

Джеки. А вы никак не отреагировали. Даже сейчас.

Вуловиц (*с опаской*). Она нас слышит?

Джеки. Конечно.

Вуловиц. Прямо сейчас?

Джеки. Естественно.

Вуловиц. И что она говорит?

Джеки. Она недовольна.

Вуловиц. Чем?

Джеки. Тем, что вы взяли ту самую бутылку. Да-да, она так и говорит – «ту самую». Понятия не имею, что это значит. Вы понимаете, о чем речь?

Вуловиц (*печально*). Да... К сожалению, да... Это коньяк. «Отар», я привез его из Парижа ровно перед тем, как решил бросить пить. Я поставил эту бутылку в шкаф у нас в гостиной и сказал Мэри, что выпью ее через двадцать лет. День в день. И не притронусь к спиртному.

Джеки. Вы нарушили слово...

Вуловиц. О да. Нарушил. Взял и нарушил. Сегодня ночью. Виски был потом, а до этого я выпил коньяк. Весь. Сразу как приехал из больницы. Я сидел в гостиной, пересматривал наши видео – все-все, и из России в 2005-м, и из Японии в 2007-м... Она там такая... такая...

Джеки. Счастливая?

Вуловиц. Да. Счастливая. Как ребенок. Я почти никогда не видел ее такой счастливой, разве что во время нашего медового месяца. «Ты бросил пить, Грегори, теперь дела пойдут на лад,» – твердила она мне. И была права – я снова начал зарабатывать, я вернулся к аналитике. «Грегори Вуловиц, предсказатель курса» – это я сыграл на понижение в 2008 и спас наш чертов рынок недвижимости. А в 2010-м я сбросил все из этих чертовых заокеанских залоговых домов... Меня ценят, мистер Каллен, вернее, меня ценили... Но теперь старый пьянчуга вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.